

08.07.13

Наконец-то, озеро Аккем. Тяжело даже лезть в рюкзак за блокнотом — так бы и лежал себе на холодных камнях, глядя в молочную высь.

Чёрные, словно обожжённые высятся пики гор над седым зеркалом. Деревьев почти нет — изредка чахлые ели, да низкий смолистый кустарник. Из земли, словно нунатаки [1] ушедших под землю спицей Атлантиды, торчат камни; то и дело туманный саван над ними рвётся, сменяясь солнечным небом. Но уже не жарко, и теперь будет всё прохладнее, тянет дрожь северный ветер.

И всё это на фоне белоснежной стены. За ней, наверное, ничего нет — нет там никакого Казахстана. И даже не алтайский край там — там край Земли. Гора Белуха. Отсюда она с тремя своими пиками — мифическая великанша, устремившая лик к небу, вскинувшая две руки в белом саване. В ней и освобождение камня от пут земли, от её тяжести в стремлении к чистому небу, и восхваление неба, молитва самой Земли.

«И что с этим всем делать?» — спрашиваю у пространств, в трансе созерцания.

И если веками тут молится сама Царица гор, то есть ли смысл описывать состояние нашего духа? Тело измучено, телу больше ни шага, оно никнет к холодной земле. Дух — как никогда ранее возносится вдоль ясных каскадов и каменных осыпей в синесеребряную мглу.

Ручьи млечноводной Аккем со всех сторон, но основные источники воды — родники, в них вода без голубой глины. Только серебро. Говорят, в этом году воды в озере мало. Хотя ледник тает обильнее обычного. Воды мутно-молочные. Дно глинистое, рыбы нет — при четырёх градусах тепла воды в озере ей тут не жизнь. А с октября всё промерзает насквозь. Нет даже водо-

рослей. При такой температуре у воды наибольшая плотность. Такой плотности она обычно в водоёмах сразу подо льдом – вязкая, почти лёд, особая. Подумать только – и вода плотная! Плоть гор, плоть ледника, плотнит, закаляет.

Обилие ходоков – дремучие альпинисты, походники, есть даже с детьми, алтайцы с лошадьми, учёные с грудями приборов. Да и вообще Белуха обрастает инфраструктурой. Есть баня и даже гостевые домики на метеостанции. Держат лошадей на росистых лугах. Хотя конюхи опасаются сдавать животных в аренду туристам – нескольких лошадей с грузом потопили этим летом на реке, на насыпях опасно.

На метеостанции алтаец печёт лепёшки. Человек печёт лепёшки. Это его жизнь – печь вкуснейшие лепешки и созерцать гору. Из года в год, уже восемнадцать лет. «А зимой занимаетесь промыслом?» – «Не, зимой отдыхаю... весной, осенью». Ну что ж, сетуете на туристов?

Контрасты.

Вот по левую руку: пейзаж русской умеренно-гористой местности с еловым лесом на чубе холмов. Бежевая трава, и стоят в ней гнедые да белые кони. А повернёшь голову – и там эти чугунные хребты, пришельцы из снов – пики «Акаюк», «Броня», «Борис». Чёрные в серых лентах осыпающихся русел. Растягиваются в свинцовом небе (чуть левее оно ясно-синее!) еле отличимые от него дуги, накрывают дуги этой субстанции три пирамиды Белухи. Можно подумать, уже сумерки, но Белуха горит слепяще. Так и определяем время – рассвета и заката горы не знают.

Там, слева – Алтай, а тут же, у Белухи – иное пространство, вне планеты. Непокорённая, оваянная мифами, порой мрачными легендами, издающая странный постоянный шум. Гора гудит, гора поёт гортанно.

Позже к вечеру Белуха сбрасывает тень и напитывает себя розовым отражённым светом облаков. Вода-пар-снег-отражение-солнце. Да где это мы?

09.07.13

А бывает, Белухи не видно неделями! Пока шли, переживали, что не увидим. Но вот вчера встречала нас, как милая хозяйшка, открытой душой. А сегодня с самого утра опять занята своими делами – скрылась за облаками, видны лишь сколы да выступы, а остальное в хлябях.

И дождь. Укрыли дрова. Дрова в этом месте настоящая редкость – и удивительно, что баню топят круглые сутки. Готовим на газу. Через пять минут ливень перестал, через пять – снова пошёл... снова перестал. Так с утра до вечера.

Дальше озера, ближе к Белухе у самого ледника маленькая лачужная часовенка. На стене её список погибших альпинистов и строки песни Высоцкого. Удивительно стоит она тут, спичечная, не боясь ледника. Не важно, мал или велик – важен смысл, который несёшь.

Две с половиной тысячи метров. Бирюзовая чаша, в которую стремится ледниковый водопад. Художник Чорос-Гуркин дал ему название «Озеро Духов». О нём писал и фантаст Ефремов. В долине перед насыпями, за которыми покоится чаша, иная реальность. Звенят в ней под камнями ручьи – идёшь по бесконечному мосту через невидимую реку. По камням ковёр вороники, можжевельниковые сети, всюду жимолость и сморода. Собираем горный лук. Причудливые флейты ветра скользят по колокольцам незримых водопадов, да пищуги устраивают переключку, выглядывая из кустов и прячась за валунами.

Поднимаясь по насыпи от белухского ледника, обливаемся потом – в одних футболках. Но под ногами поймы со снегом. Это даже больше ледяное крошево. Но всё же, откуда берёт снег нужную температуру? Что тут под камнями, какие энергии в кристаллах недр?

Скалы когда-то осыпались, застыли в трескучем беге огромные валуны, ждут весны, чтобы снова понеслись по ним потоки, увлекая вниз. А гора остаётся горой – осыпается, а всё остаётся той же. Какой же маленькой ролью обладает тут тело! Какое умиротворяюще ощущение незначительности. Возможно, только глаз значим. Глаз, да рука художника.

Но в том находишь значимость, в этом трагизме мизерности восходит солнце доброты и сострадания. Я смотрю на вас, друзья, и вот оно, солнце!

10.07.13

Ночью дождь. Очень выручает газ, дрова сырые. К полудню снова всё заволокло, Белухи словно и нет – седой провал меж потянутыми дымкой пиками ледника.

Остался в лагере залечивать ногу.

Природу сновидений разгадывать тут не место, не место тут открывать связи психического и – здесь в первую очередь – физиологического состояний организма. Однако феномен необычных сновидений в горах Алтая, кажется мне достойным упоминания.

Ночуем в палатках, ночи прохладные, поверхность земли неровная, звуки ночи необычны: водопады, горные реки ледника, голоса животных и птиц, раскаты грома, преломлённые множеством эхо. Снится детство, снятся люди, окружавшие и давно из жизни исчезнувшие. Снятся родственники и друзья, в жизни присутствовавшие и присутствие которых формировало. Дед во сне вызывает чувство тревоги за собственную несостоятельность. С одноклассником, с которым просмеялись все школьные годы – смеемся вновь. Смеюсь так, что просыпаюсь от смеха. Лежу и не могу остановиться. Пришлось даже вылезти из палатки, чтобы никого не разбудить хохотом. Товарищ из общества, в котором последнее время вращался, вдруг говорит, что мне нет смысла более приходить к ним, не будет с ними общего интереса больше. Вижу во сне два варианта событий: если бы поехал в горы и если бы остался дома. Вот завариваю чай: пару капель коньяку в него, тёмный горький шоколад, какой-то фильм, что-то тёплое и мягкое, в поволоке душистого пара. Просыпаюсь, верчусь в спальнике, снова в провал. Следующее. Хотя нет, про следующее скажу только так: оказался в мире настолько ясном и живущем по законам столь очевидным, сочетающем такие живые и ясные цвета, звуки и запахи, которых мне не дово-

дилось чувствовать ещё никогда. Даже по пробуждению думал некоторое время, что в сером холоде и шуме дождя, в вое ветра за трепещущим полиэстером палатки, я как раз нахожусь теперь в бреду, а вот там была реальность. Морок, шорох...

Как там было про Чжуан Цзы и бабочку — не мог он понять, то ли ему снится бабочка, то ли бабочке, что она — Чжуан Цзы.

Но довольно.

11.07.13

На сто восьмом прочтении мантры раздаётся протяжный громовой раскат. Мир соглашается!

За сбором грибов. Воздух пронзает страшный треск, словно небо рушится. Что? — Эхо от катящегося камня вдали.

Собрался дождь.

12.07.13

Решено ехать через перевал на лошадях. Тропу развело в глубокий грязевой ручей. Дождь шёл два дня, снег — две ночи. На метеобазе сказали о штормовом предупреждении, в Горно-Алтайске отменяют рейсы. А на Аккемском озере сейчас Солнце, но всё, что на нас, что в рюкзаках — сырое до нитки.

Белуха встречала нас открытой, открытой и провожает. Белую лошадь седлают. Хороший знак.

В ожидании конюха вспоминаем вчерашнюю ночь. У костра обсуждали парадигмы. Слышали бы нас учёные мужи, возможно, подошли бы у нашего огня погреться. Философия без чаши вина. Серебряные струи, пронзающие звёздное небо указывают направление мыслям. Что есть «ты» и есть ли «ты» после «смерти», и что есть сама «смерть», да и есть ли она, как нам представляется, в отрыве от состояния перехода. И что всё, начиная от сказочного электрона, обладающего спиновым вращением (вспоминаем школьную программу химии) и до галактик — вращаются. И само развитие процессов, как и обыкновенное вращение чёртова колеса есть всего на всего вращение. И нет кроме него других видов движения. И вся полярность — только наше

представление, это движение производящее. Что модус, энергия сама по себе, сила, не хороша и не плоха. А добро и зло проявляются лишь когда есть люди. И если рядом с тобой хорошо — добро, отталкиваешь и напрягаешь — зло. Но и не ты «зло» и «добро», не в тебе. Где? — Подходите к костру, обсудим.

Пришли к драме. Товарищ спросил: нужно ли видеть мир через призму страдания, как тому учил, скажем, Будда? Неужели некий гипотетический человек, живущий в своё удовольствие в лоне природы, «нюхающий цветочки» и радующийся солнцу даже на смертном одре не прав в своём миропонимании через радость? А вышли к тому, что, коли так, то жизнь его не полна, и его внутренний «разлом» скрыт за шорами эстетического изобилия. А вот что если изначально тот «разлом» обнажить, очистить от веток и налипшей глины, заглянуть в него? Увидеть там драму мира, принять её в самое сердце бесстрашно, и научиться уже вместе с ней, памятуя о ней и слившись с нею, радоваться солнцу, довольствоваться дождём и «нюхать цветочки». «Святость что ли?».

Пожалуй, многие, кого здесь встречали, в основном алтайцы или казахи (в низинах), погружённые в свои туманные мысли, прячущие радушие под маской строгой учтивости, воспринимают мир через этот «разлом», через драму. Потому что как тут ещё? Чему их учат горы? Учат ли не задаваться и другим этого не позволять? Или учат необходимой строгости, которая отчасти по невежеству, в основном же по нашей вине (туристов и незваных переселенцев) превращается в жестокость и коварство? Вот только что говорили с таким же путником, отдавшим три тысячи залога за лошадей и оставшимся «с носом» — конюх уехал с деньгами и лошадьми. «Ничего, — говорит, — всё учит».

«Кыр» с алтайского — гора, «ат» — конь (к слову, по-тибетски первое — «ры», второе — «та»; а вот «урус» есть «урус» и там, и там, одно слово — «русский»). Так сказал проводник Алексей (настоящее же его имя гораздо сложнее).

Перевал Кара-Тюрек («Чёрное Сердце») перешли на лошадях. Утром выехали и не слезали до заката. Животных жалко. Под

копытами — то лужи по колено (а внизу, в тайге — по пояс), то острые камни, веерами торчащие из-под снега. Взгорья стянуты туманом. Подъёмы, запирающие дух спуски, где в тиши лишь звон подков о камень, испуганные всхрапы.

А мат на Алтае тот же.

Животные поскальзываются, долго не решаются карабкаться по валунам или спускаться по кисельному серпантину. Так шестнадцать километров. Тут подумалось, ведь вот говорят, что лошадей «правят». То есть корректируют действия разумного существа. Не «властвуют» и не «управляют», но лишь «правят». Управляют-то неразумными. Граждане...

Пейзажи.

Не зря столько наслышаны мы были о видах с Кара-Тюрек. Несмотря на трепещущие краски и сюрреализм пейзажа Аккемской тропы, по которой дошли до Белухи, монументальные космические пики её, именно здесь, на перевале «Чёрное Сердце» был контакт с мистическим, не из привычной реальности эманулирующим. Кони, фырча, поднимаются по уступам, то и дело норовя остановиться щипнуть редкий бледный куст. Тяжко вздыхают. Коней жалко и погонять нет желания. Пускай идут, как идётся. А молодой конюх нервничает, глядя на небо. Надо успеть до снегопада. Да ещё и спуститься до заката.

Белуха позади то выплывает из-за кряжей и заоблачных пиков, то вновь панорама меняется, словно сдвигают ширмы. Пропадает всякое представление и о сторонах света, и о времени суток. Так невидимые несовершенному нашему глазу шаманы, проделывают свои фокусы, как карты в колоде, тасуя измерения. Странные оптические наложения. Наконец, голые камни, и вот уже сугробы снега. Голубая дымка лежит в пропасти у самых ног. Вокруг океан-призрак, и этот наш остров необитаем и неприветлив. Для него и небо, и море, и суша одной зыбкой субстанции.

Снега заканчиваются, уходим вниз. Вокруг ландшафты из сказаний о мирах блуждающих духов. Бегут ледяные реки меж мшистых жёлтых камней и сланцевых точёных вееров. Иней на кристаллах. Видны горы в шерсти тайги, водопады, тянутся

в чаши озёр. И озёра над обрывами. Но всё это словно на экране из дымки. Недостигаемые у горизонта, внизу, в провале меж двумя мирами.

А из-за угла скалы наползает на нас рваное молоко облака. И вот ничего уже нет. Только лайка, собачка конюха, появляется вдруг близ этой чаши озера, шествуя над тайгой, переступая через горные пики. И вот тогда хочется умыть лицо и потереть глаза.

13.07.13

Вдоль реки Кучерла.

14.07.13

Прошли четырнадцать километров; надо добрать ещё семь вниз до Тунгура.

Повезло с этими семью — подвез на УАЗике старый казах. Денег не взял. Ещё раз убедились, что гражданский танк УАЗ — лучшее средство при основной гоголевской беде нашей страны.

В посёлке молоко с лепёшками. Даже нашёлся музей в аиле! Аил — национальная алтайская изба. Приземистая, без окон с шестискатной крышей.

«Пы-ян» — это значит по-алтайски «спасибо». Хранительница музея — молодая алтайка из древнего рода Майман. Всего коренных алтайских родов восемьдесят. Герб рода: два волка — сверху белый, снизу чёрный. Между ними — круг земли, а в круге вписаны три круга поменьше. Мы видели этот круг с тремя вписанными сферами на некоторых камнях, когда поднимались к Белухе по аккемской тропе. Я видел его и раньше.

15.07.13

В село Уймон прибыли в восемь. Туман стянул окрестные горы в двухмерную панораму, чуть наметив их очертания в сизоголубом небе с одной стороны, с другой же хребты отчётливо видны на фоне густого мокрого свинца.

«Ой» — мудрость, «мон» — место. Алтайцы говорят

не «Уймон» (в отличие от староверов, приписывающих названию основу «уйма»), а «Оймон».

Местные рассказывают:

Была такая принцесса Анэру. Влюбилась она в Аймегена, простого охотника. Но охотник тот складывал чудесные песни. Конечно же, принцессе запретили видеться с простолюдином, и вот Анэру села на утёсе и заплакала. И густые волосы её, напитанные слезами обратились в ручьи. Наплакала она три озера. Эти озёра теперь называются Мультинскими. А Мульта, местность, где находится Уймон, переводится «у черёмухи». Сбежали влюблённые звонкими ручьями с родных гор и зацвели черёмухой.

Тут жило племя Алтай-кежи, на основе языка которого возник алтайский.

Побывали в доме Рерихов. Тут останавливался Н. К. Рерих в доме старовера Атаманова во время своей алтайско-гималайской экспедиции. Вот где я видел эту эмблему с кругом и сферами – это герб Рерихов, так называемое «знамя мира».

Местные староверы говорят о Беловодье, заповеданной земле, на поиски которой отправились они, гонимые из Нижегородских земель и с севера. Тут же и сказания о Шамбале. Немного «эзотерики»: у Белухи на старом придорожном указателе я прочитал «уч-Сумеру», так по-алтайски (или по-ойротски) называется гора. Сумеру – такое слово встречается в космогонии тибетских школ буддизма. Так называется священная гора, вокруг которой строится мандала, ритуальный круг, символизирующий сферу божеств, модель Вселенной. Сумеру – центр мандалы. Интересно, что гора Белуха является центром Евразии, равно удалённым от четырёх океанов. Что это – народная интуиция?

А тем временем, штормовое предупреждение, объявленное а Горно-Алтайске и Бийске оправдало себя. И даже здесь за двести километров от столицы края. Дождь со страшным шквалом лишил нас возможности заночевать в живописной травной долине за рекой. Ищем ночлега у местных.

Шли от травника к избе-музею строобрядцев. По дороге

бабушка на велосипеде сквозь ветер и дождь окликнула нас: «Вы, должно быть ко мне, дети мои?». Оказалось, матушка старобрядческого клана, держательница заветной избы. Посоветовала к кому да как обратиться за ночлегом.

Устроились. Была баня, просторный гостевой домик и долгожданная сухость, тёплый уют. Как же хочется благодарить и благодарить за то, что есть мы друг у друга перед лицом неведомого.

Хозяйка (Валентина Ермиловна) — из кержаков, староверов с реки Кержи. Угостила хлебом на квасной закваске. «На каждом этапе приготовления, — рассказывает она моей спутнице, — крестим и благословляем. И муку, и тесто, и весёлку (лопатку для замеса). Как растронется, жару сбавляем, но из печи достаём не сразу, даём подышать углём. Шаньги (ватрушки) ой какие вкусные, звонкие выходят!». Приходила к нам и вечером принесла яиц цесарок всмятку, принесла мёду. Были, говорит, утки, индюки, индоутки, коров держали. С гор в отстрел прибивались к ним дикие моралы.

«Сейчас, — говорит, — что? Сейчас упадок. Меня ещё бабка предостерегала, что придут, мол, люди, будут тут дома строить, дурное принесут». Так обсуждали с ней нынешний феномен переселенцев или «анастасиевцев». Едет молодёжь на Алтай в бешеных поисках рая на Земле, автономии. Кто от конца света ковчег ищет, кто от системы бежит. А чего строить бегут — новую систему. Но разве может поселение, основанное на жажде побега стать источником мира, спасения? Разве давая альтернативу системе порабощения в якобы свободной непривязанной системе, преодолеваешь первую? И не уловка ли это первой спасти себя саму? Что же за чудовищный организм движется так?

«Начинать, — говорит Валентина Ермиловна, до глубокой ночи всё наведываясь к нам, — с себя надо. Вот мне рассказывают, какие-то круглые дома строят, «драконьи яйца». Да близ Уймона. Не ходите туда. Малец-шарлатан какой-то лечит этими яйцами... деньги. «Аура», мол, там. Да вон она, аура, в горах этих, в травах, в лесу аура. Бог создал реки, горы, чтоб мы насла-

ждались. И денег за то просить — грех. В аду тот малец будет. Ох, несчастный...». Сетовала, что продают совхозы, паи на земли коренных жителей. А молодёжь из крупных городов, при деньгах, скупает эти земли. Так нарушается род, традиция, мучают землю. «Судимся... да где ж нам-то с ними судиться».

Но то — тема для отдельного романа.

.....

Рассказала нам хозяйка помимо истории быта уймонских старообрядцев и совсем удивительные истории.

«Мне, — говорит, — если наврали, то и я вам сейчас навру. Но так зато честна. Деверь мой на вертолёте служил. Как-то летели близ Белухи. Глядят вниз, а там три огромных силуэта в белых саванах. Вот будто бы скалы, а то молящиеся святые. Попытались заснять, да как за камерой полезли, а те в туман и растворились, опали. Это ведь раньше были святые видны, а теперь-то невидимы стали». Рассказывала, как на свидании с женихом в молодости, видела, как из сопки вылетел огненный шар, да улетел в небо. Боялись рассказать — в деревне бы засмеяли. Да вот и сестра её видела «летающих гостей». И таким людям вертится. Такие люди — вот драгоценность гор, вот «аура». Вот оно, убежище для бегущих «конца света». Читть таких людей, слушать, искать.

16.07.13

В избе староверов.

..... (отдельно)

Автостопом добрались до Усть-Кокса. Далее, стопом же — до Горно-Алтайска. Водитель просил, чтоб поддерживали беседу — боялся заснуть. Но мы, утомлённые, всё же сникли, глубоко было за полночь. А он всё гнал и гнал, и под утро только остановился на подъезде к Горно-Алтайску.

17.07.13

Лама местного дацана — ойрот по происхождению. Охотно рассказывал о трудностях, с которым сталкиваются буддисты

в этих краях. Как не приемлет «глухое» население местных деревень ни учения, ни культуры. Не хотят и слушать, а читать не умеют. И всё чаще и чаще пьют, всё больше питейных открывается с прибытием новых людей с запада.

«Ничего плохого не скажу, — говорит, — вот только ларьки пивные, как грибы растут, а буддистам и приходиться некуда. Традиционная сангха [2] по всем бумагам даже значится, и места закреплены, а тюркские народы Алтая нас, тоже тюрков, да и ойротов, не принимают. Это в Москве и книги в изобилии, и всё вам есть, а в глуши и народ глух. Да и книги покупать-то не на что».

Рассказывал, как совсем недавно пытались группу монахов сжечь, заперев в доме. «Они строили мандалу, и как раз когда окрашивали контуры поля огня красным песком, слышат — двери „щёлк“, и заперли. И керосином пахнет. А с той стороны факел горит, в щели видать, как подносят. Благо был дождь, и дом не занялся. Это потому, — говорит, — что поле элемента „воды“ в мандале было к тому времени окрашено».

Спросили, почему это Белуху называют «уч-Сумеру»? Лама не сразу находится с ответом, но, улыбаясь, говорит тихо: «назовите как-нибудь ещё...». Потом всё же удаётся разговорить застенчивого ойрота про гору Сумеру, четыре континента священной Шамбалы. «Но вот что, — заключает лама, — Уч-Сумеру — это не то, о чём говорят, а то, о чём молчат».

18.07.13

Алтайская свадьба.

..... (отдельно).

1

¹[1] полностью окружённый льдом скалистый пик, горный гребень или холм, выступающий над поверхностью ледникового покрова или горного ледника

[2] Община буддистов